

АУТОАГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ У ПОДРОСТКОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Королёв Даниил Михайлович

Северо-Кавказский Федеральный Университет

mr.korolev22@mail.ru

AUTOAGGRESSIVE BEHAVIOR IN ADOLESCENTS STUDYING IN SECONDARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS AND SPECIAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

D. Korolev

Summary: The relevance of the study of autoaggressive behavior in adolescents studying in secondary and special educational institutions is determined by the high prevalence of this phenomenon among adolescents, its negative impact on psychoemotional development and social adaptation, as well as insufficient study of the specific mechanisms of autoaggression formation in the educational environment, taking into account individual-personal and situational factors. The novelty of the study lies in the review of the forms and motivational aspects of autoaggression, including verbal, physical, disguised and indirect manifestations, which are determined by a complex of psychological, social and neurobiological factors. The leading methodology of the study is a systems approach integrating the principles of psychological and social analysis for a comprehensive study of autoaggressive behavior in adolescents using research methods that allow identifying patterns, determinants and mechanisms of formation of this phenomenon in the educational environment. The results of an empirical study conducted using the questionnaire of E.V. Yanovskaya, the Bass-Darkey method and the CES-D scale of depressive states. Statistically significant correlations between the severity of autoaggression, the level of depressive symptoms and self-esteem are established. Social and psychological risk factors characteristic of the educational environment of secondary vocational education are discussed, and recommendations for prevention are formulated.

Keywords: autoaggression, adolescents, secondary vocational education, verbal autoaggression, physical self-harm, depressive symptoms, risk factors, prevention.

Аннотация: Актуальность исследования аутоагрессивного поведения у подростков, обучающихся в образовательных учреждениях среднего образования и специальных учебных заведениях, детерминирована высокой распространенностью данного феномена в подростковой среде, его негативным влиянием на психоэмоциональное развитие и социальную адаптацию, а также недостаточной изученностью специфических механизмов формирования аутоагрессии в условиях образовательной среды с учётом индивидуально-личностных и ситуационных факторов.

Новизна исследования заключается в обзоре форм и мотивационных аспектов аутоагрессии, включая вербальные, физические, замаскированные и опосредованные проявления, которые детерминируются комплексом психологических, социальных и нейробиологических факторов. Ведущей методологией исследования является системный подход, интегрирующий принципы психологического и социального анализа для комплексного изучения аутоагрессивного поведения подростков с применением методов исследования, позволяющих выявить закономерности, детерминанты и механизмы формирования данного феномена в образовательной среде. Описаны результаты эмпирического исследования, проведенного с применением опросника Е.В. Яновской, методики Басса–Дарки и шкалы депрессивных состояний CES-D. Установлены статистически значимые корреляции между выраженностью аутоагрессии, уровнем депрессивных симптомов и самооценкой. Обсуждаются социально-психологические факторы риска, характерные для образовательной среды СПО, и формулируются рекомендации по профилактике.

Ключевые слова: аутоагрессия, подростки, среднее профессиональное образование, вербальная аутоагрессия, физические самоповреждения, депрессивная симптоматика, факторы риска, профилактика.

Введение

В подростковой возрастной группе на протяжении последних лет сохраняется устойчивая проблема аутоагрессивного поведения, включающего преднамеренные действия, направленные на причинение вреда собственному телу или здоровью, с разной степенью летальности. По данным Росстата, уровень смертности от умышленных самоповреждений среди лиц 15–19

лет в России в 2022 году составил 6,5 случая на 100 тысяч населения, что ниже показателя 2018 года (8,2 на 100 тыс.) [8]. Однако сведения Минздрава РФ указывают на рост числа госпитализаций подростков с несмертельными самоповреждениями, фиксируемый в ряде регионов на уровне 8–10 % в год [7]. По данным Всемирной организации здравоохранения, самоповреждения входят в пятерку ведущих причин смертности среди подростков в возрасте 15–19 лет на глобальном уровне, составляя в

2022 году 7,4 случая на 100 тыс. населения данной возрастной группы [16].

Отметим, что учреждения среднего профессионального образования формируют особую социальную среду, в которой подросток сталкивается с резкой сменой привычных межличностных связей, возрастанием академической и социальной автономии и необходимостью интеграции в более зрелое сообщество. Учащиеся в возрасте 15–17 лет оказываются в переходной позиции между школьной и взрослой жизнью, что сопровождается перестройкой системы ценностей, изменением круга общения, изменением уровня родительского контроля [11, с. 93]. Приведенные выше факторы при дефиците психологической поддержки и наличии личностных уязвимостей способны усиливать риск формирования аутоагрессивных паттернов.

Сравнительные исследования доказывают, что подростки, осваивающие образовательные программы среднего профессионального звена, могут чаще демонстрировать эпизоды вербальной или физической аутоагрессии, чем их сверстники, продолжающие обучение в школах. В исследовании Г.Ш. Ташбулатовой выявлены статистически значимые различия в уровне самоповреждающего поведения у учащихся СПО и школьников, что автор связывает с влиянием новой микросоциальной среды и более ранним выходом из-под непосредственного контроля семьи [9, с. 140]. Аналогичные выводы подтверждаются зарубежными исследованиями, в которых фиксируется рост распространенности самоповреждений у подростков в условиях социальной перестройки и изменения образовательной среды [13; 14].

Аутоагрессивное поведение у подростков рассматривается как комплекс действий, направленных на причинение себе физического или психического вреда, при этом мотивация может варьировать от демонстративной до импульсивной или хронической [3, с. 5]. В научной литературе выделяют несколько форм аутоагрессии: немедленные (прямое самоповреждение – порезы, ожоги, удары), замаскированные (отказ от питания, злоупотребление психоактивными веществами, рискованное вождение, участие в драках) и опосредованные (сознательное игнорирование медицинских рекомендаций, систематическое пребывание в травмирующих ситуациях) [1, с. 26-27].

Суицидальное поведение – крайняя форма аутоагрессии. Представляется аксиоматичным, что необходимо различать собственно суицидальные действия и парасуицидальные акты, которые носят демонстративно-шантажный или саморегулирующий характер [1, с. 27]. Отметим, что подростковая аутоагрессия часто носит кумулятивный характер, и ранние эпизоды значительно повышают риск последующих суицидальных попыток. В

контексте российских СПО ситуация осложняется возрастной спецификой – учащиеся находятся в переходном периоде от школьной зависимости к относительной автономии, но при этом сохраняют уязвимость в эмоциональной регуляции [10, с. 266]. Психологический климат в учебных группах, конфликты с педагогами и условия проживания в общежитиях формируют дополнительный стрессовый фон.

В рамках настоящего исследования предполагается выявить формы и частотность аутоагрессивного поведения у подростков, обучающихся в учреждениях среднего профессионального образования, а также проанализировать взаимосвязь этого явления с социально-психологическими характеристиками личности и особенностями образовательного пространства.

Методы

Эмпирическая база исследования формировалась на основе выборки, включающей 212 подростков в возрасте от 15 до 18 лет, обучающихся в учреждениях среднего профессионального образования двух регионов Российской Федерации. В исследование включались учащиеся как первого, так и третьего года обучения, что позволило учитывать влияние периода адаптации и динамики образовательного процесса. Гендерный состав выборки был сбалансирован: 102 юноши и 110 девушек. Отбор участников проводился по принципу добровольного согласия с обязательным информированием о целях исследования и гарантиях анонимности, в соответствии с этическими стандартами, закрепленными в Хельсинкской декларации.

Для диагностики аутоагрессивного поведения применялся «Опросник аутоагрессии» Е.В. Яновской, позволяющий оценивать частотность и форму проявлений самоповреждающего поведения, включая вербальные и физические компоненты. Для дополнительной оценки эмоционально-личностных характеристик использовалась адаптированная русскоязычная версия опросника Басса–Дарки, а также шкала депрессивных состояний CES-D. Применение нескольких инструментов обеспечивало комплексное выявление как поведенческих, так и эмоциональных аспектов аутоагрессии.

Сбор данных проводился в условиях группового анкетирования на территории образовательных учреждений в присутствии психолога и исследователя, что минимизировало риск искажения ответов за счет внешнего давления или влияния однокурсников. Заполненные опросники обрабатывались с использованием программного пакета SPSS Statistics 26. Для анализа данных применялись методы описательной статистики, U-критерий Манна–Уитни для выявления межгрупповых различий, а также коэффициент корреляции Спирмена

для оценки взаимосвязей между переменными.

Приведенное сочетание количественных и качественных методов позволяло не только зафиксировать распространенность аутоагрессивного поведения в исследуемой выборке, но и установить связи между его выраженностью и социально-психологическими характеристиками учащихся.

Результаты

Анализ собранных данных показал, что признаки аутоагрессивного поведения в той или иной форме продемонстрировали 38,2% участников исследования. Наиболее распространенной формой выступало вербальное самоуничижение и самообвинение, о чём сообщили 27,8% подростков, тогда как физические самоповреждения различной степени выраженности встречались у 14,6%. В 8,0% случаев участники указывали на наличие в прошлом эпизодов, требовавших медицинской помощи.

Сравнение по полу выявило статистически значимые различия: девушки чаще сообщали о вербальной аутоагрессии ($U = 3987$, $p < 0,01$), тогда как у юношей относительно выше была доля физических самоповреждений, в том числе связанных с рискованной поведением ($U = 4265$, $p < 0,05$). Возрастной анализ показал тенденцию к росту частоты аутоагрессивных проявлений к третьему году обучения, что может быть связано с накоплением стрессовых факторов образовательного и социального характера. Корреляционный анализ продемонстрировал положительную связь между уровнем депрессивных симптомов по шкале CES-D и частотой физической аутоагрессии ($r = 0,46$, $p < 0,01$), а также умеренную связь между низкой самооценкой и вербальной аутоагрессией ($r = -0,39$, $p < 0,01$).

Приведенные результаты систематизируем в виде следующей сводной таблицы (табл. 1):

В ходе эмпирической части другого исследования ($n=124$, учащиеся 1–3 курсов СПО, возраст 15–19 лет) применялись опросник суицидального риска А. Бека, методика Басса–Дарки для оценки агрессивности и шкала депрессии CES-D. Уровень умеренной и высокой склонности к аутоагрессии выявлен у 28,2% опрошенных, при этом у девушек он оказался выше (31,5%), чем у юно-

шей (24,1%). Корреляционный анализ ($r=0,42$, $p<0,01$) показал статистически значимую связь между уровнем депрессивных симптомов и выраженностью аутоагрессивных тенденций. Наибольшая частота эпизодов самоповреждений наблюдалась среди студентов, проживающих в общежитии и не поддерживающих регулярные контакты с семьей. Кроме того, учащиеся первого курса демонстрировали более высокий уровень демонстративно-шантажной аутоагрессии, тогда как у старших курсов чаще встречались скрытые формы.

Полученные данные позволяют утверждать, что в исследуемой группе учащихся среднего профессионального образования аутоагрессивное поведение имеет заметную распространенность, при этом его структура демонстрирует гендерные особенности и коррелирует с эмоциональным состоянием подростков [5, с. 521].

Обсуждение. Полученные результаты подтверждают выводы как отечественных, так и зарубежных исследований о том, что аутоагрессивное поведение является значимым феноменом подросткового возраста и нередко связано с переходными социальными и психологическими условиями [13]. Доля учащихся среднего профессионального образования, демонстрирующих признаки аутоагрессии, в нашем исследовании составила 38,2%, что сопоставимо с данными метаанализа, проведенного Р. Плениер и коллегами (2021), где средняя распространенность немедицинских самоповреждений у подростков в выборках из разных стран колебалась в пределах 17–46% [14].

Выявленные гендерные различия согласуются с наблюдениями исследователей, согласно которым девушки чаще демонстрируют вербальные формы аутоагрессии, а юноши – более рискованные физические действия [15]. Такое распределение может быть связано как с особенностями эмоциональной регуляции, так и с социальными нормами, влияющими на способы выражения деструктивных импульсов. Тенденция к увеличению частоты аутоагрессивных проявлений у старших курсов обучения в СПО находит подтверждение в исследовании S. Whitlock (2018), показавшем, что длительное пребывание в стрессовой образовательной и социальной среде без адекватных механизмов поддержки повышает вероятность развития устойчивых паттернов самоповреждающего поведения. В условиях СПО под-

Таблица 1.

Частотность и формы аутоагрессивного поведения в исследуемой выборке.

форма аутоагрессии	общая частота (%)	девушки (%)	юноши (%)	U-критерий	p-значение
вербальная аутоагрессия	27,8	34,5	20,6	3987	$< 0,01$
физическое самоповреждение	14,6	12,7	16,7	4265	$< 0,05$
эпизоды, требовавшие медпомощи	8,0	7,3	8,8	–	н/з*

* н/з – незначимые различия

ростки часто сталкиваются с необходимостью ранней профессиональной самоидентификации, резким изменением окружения, а также снижением уровня родительского контроля [15; 4, с. 27].

Связь депрессивной симптоматики с физическими формами аутоагрессии, обнаруженная в нашем исследовании ($r = 0,46$), совпадает с выводами A. Hamza и M. Willoughby (2020), которые указывают, что депрессивные состояния могут не только усиливать деструктивные импульсы, но и снижать субъективную ценность сохранения физического благополучия [12]. Обнаруженная отрицательная корреляция между самооценкой и вербальной аутоагрессией ($r = -0,39$) также согласуется с работами отечественных психологов (Киселева, 2020), подчеркивающих роль негативного самовосприятия в формировании аутоагрессивных сценариев поведения. Полученные данные согласуются с выводами отечественных авторов [2, с. 719; 6, с. 142] о высокой роли депрессии и социальной изоляции в формировании аутоагрессивного поведения у подростков. В отличие от школьной среды, СПО характеризуется меньшей степенью внешнего контроля и большей возможностью уклоняться от формального надзора, что способствует закреплению деструктивных стратегий совладания.

Обнаруженные гендерные различия в частоте и форме аутоагрессии соотносятся с зарубежными исследованиями [14], в которых установлено, что девушки чаще используют аутоагрессию как способ эмоциональной разрядки, а юноши – как элемент рискованного поведения. Сопоставление полученных данных с мировой статистикой позволяет предположить, что профилактические программы в СПО должны учитывать не только

психологическое состояние подростков, но и особенности их социального окружения, включая условия проживания и доступ к неформальным группам поддержки.

Результаты исследования по конкретным формам аутоагрессии представлены в виде следующей диаграммы (рис. 1):

Выводы

Новизна проведенного исследования заключается в том, что оно рассматривает аутоагрессивное поведение в конкретной социальной среде среднего профессионального образования, где совокупность академических, межличностных и личностных факторов формирует особый профиль риска. Полученные результаты позволяют уточнить представления о распространенности и формах аутоагрессии у данной группы, а также выявить статистически значимые связи с депрессивными симптомами и самооценкой, что может быть использовано при разработке адресных профилактических программ.

Проведенное исследование показало, что аутоагрессивное поведение встречается у значительной части подростков, обучающихся в учреждениях среднего профессионального образования, при этом выявлены гендерные различия в его формах: девушки чаще демонстрируют вербальные проявления, а юноши склонны к физическим действиям, сопряженным с риском для здоровья. Установлена положительная корреляция между уровнем депрессивной симптоматики и частотой физических самоповреждений, а также отрицательная связь между самооценкой и вербальной аутоагрессией.

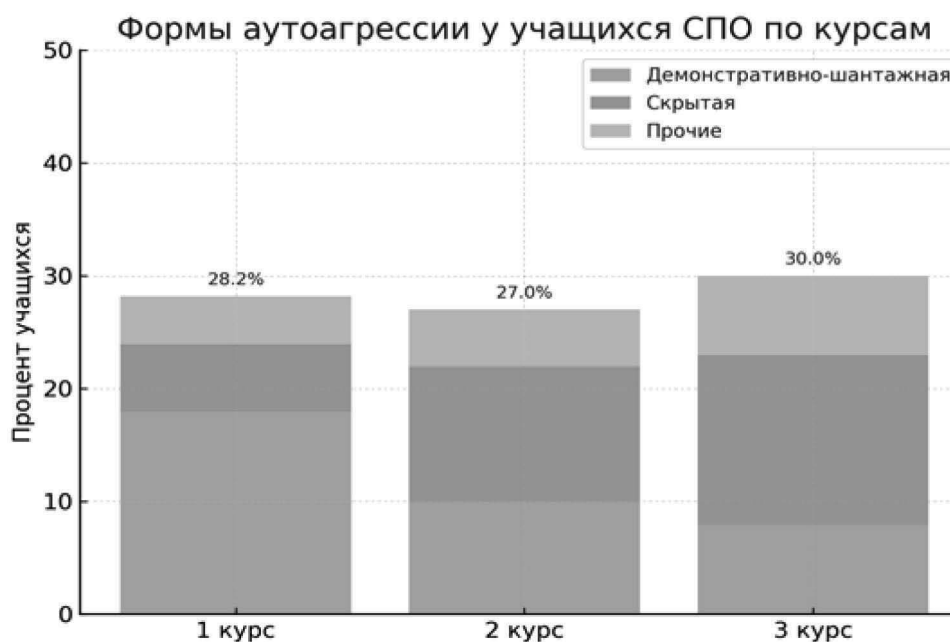

Рис. 1. Формы аутоагрессии у учащихся СПО по курсам.

Данные закономерности согласуются с результатами как отечественных, так и зарубежных исследований и указывают на необходимость разработки специализированных программ психологической поддержки для подростков СПО. Полученные резуль-

таты позволяют уточнить представления о социально-психологических механизмах аутоагрессии в данной группе и могут служить эмпирической основой для профилактических и коррекционных мероприятий в образовательной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибилова З.Л., Казиева А.Т. Аутоагрессивное поведение подростков: теоретические аспекты и социальные последствия // *Universum: психология и образование*. 2025. №5 (131). С. 26–28.
2. Волкова Е.Н. Профилактика агрессивного поведения детей и подростков в образовательной среде: направления работы на основе результатов исследования // *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2021. № 4. С. 715–720.
3. Голубь А.В. Аутоагрессивное поведение детей и подростков как объект исследований в образовательной практике // *Психология и педагогика: актуальные вопросы науки и практики*. 2024. № 6. С. 3–8.
4. Горюнова Н.И., Добряков Д.А. Аутоагрессивное поведение как фактор суицидального риска у подростков // *Тюменский медицинский журнал*. 2013. №3. С. 27
5. Гузнародова А.С., Костенко А.А. Психолого-педагогическая профилактика аутоагрессии в подростковом возрасте // *Экономика и социум*. 2023. №4-1 (107). С. 518–522.
6. Курочкина В.Е., Васильева М.И. Смысложизненные ориентации подростков с аутоагрессивным поведением // *Педагогика: история, перспективы*. 2021. Т. 4, № 3. С. 139–148.
7. Минздрав РФ. Отчёт о состоянии психического здоровья детского и подросткового населения РФ за 2022 год. – М.: Минздрав РФ, 2022. – 96 с.
8. Росстат. Здравоохранение в России. 2023: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2023. – 174 с.
9. Ташбулатова Г.Ш. Аутоагрессивное поведение детей и подростков как социальная и психолого-педагогическая проблема // *Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы*. 2020. №1 (53). С. 137–146
10. Чернова Н.В., Ким А.В. Обзор российских и зарубежных исследований аутоагрессии у подростков // *Психология и педагогика: актуальные вопросы науки и практики*. 2022. № 6. С. 262–271
11. Яковлев Б.П., Литовченко О.Г. Аутоагрессивные тенденции современных подростков // *Фундаментальные исследования*. 2004. № 3. С. 92–94
12. Hamza C.A., Willoughby T. Nonsuicidal self-injury and suicidal behavior: A latent class analysis among youth // *Journal of Adolescence*. – 2020. – Vol. 80. – P. 19–27. DOI: 10.1016/j.adolescence.2020.02.008
13. Muehlenkamp J.J., Claes L., Havertape L., Plener P.L. International prevalence of adolescent nonsuicidal self-injury and associations with mental health // *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. – 2022. – Vol. 16, No. 1. – P. 4. DOI: 10.1186/s13034-021-00439-7
14. Plener P.L., Schumacher T.S., Munz L.M., Groschwitz R.C. The longitudinal course of nonsuicidal self-injury and deliberate self-harm: a systematic review of the literature // *Borderline Personality Disorder and Emotion Dysregulation*. – 2021. – Vol. 8. – P. 16. DOI: 10.1186/s40479-021-00164-4
15. Whitlock J., Muehlenkamp J., Eckenrode J. Variation in nonsuicidal self-injury: identification and features of latent classes in a college population of emerging adults // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. – 2018. – Vol. 47, No. 2. – P. 234–247. DOI: 10.1080/15374416.2015.1105137
16. World Medical Association. World Medical Association Declaration of Helsinki: ethical principles for medical research involving human subjects // *JAMA*. – 2013. – Vol. 310, No. 20. – P. 2191–2194. DOI: 10.1001/jama.2013.281053.

© Королёв Даниил Михайлович (mr.korolev22@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»